

О чём размышлял тот тощий мужчина, Цан Доушань знать не мог, но его ледяной, двусмысленный взгляд вселял глубокую тревогу. Не выдержав, он повернулся к Вэйшэну:

— Может, сойдём с корабля пораньше?

— Придётся прыгать в воду, — Вэйшэн окинул его быстрым взглядом. — До следующей пристани ещё плыть и плыть. Да и рану твою мочить нельзя. Погоди, сейчас перевяжу.

В итоге рука Цан Доушаня стала походить на огромный белый раздутый кулич, который даже согнуть в локте удавалось с превеликим трудом. Он попробовал сделать гребок, выругался и поморщился:

— Послабь немного. Что ты за узел наворотил?

— Если не хочешь, чтобы рана загноилась, сиди смирно, — отрезал спутник. — Речная вода грязная, как помои.

Пришлось подчиниться. Весь остаток дня Цан Доушань послушно просидел в душном трюме. На закате сквозь щели в двери потянуло аппетитным ароматом свежеспекаемого хлеба и жареных бараньих почек с пряностями. С палубы доносился зычный хохот лодочников и едва уловимый, дразнящий запах хмеля. Юноша с горечью подумал, что именно из-за тяги к выпивке он и оказался в этой яме. А ведь в обед ему пришлось давиться лишь чёрствой, каменной лепёшкой... Какое жалкое зрелище.

Пока он предавался унынию, в каюту стремительно вошёл Вэйшэн с дорожным узлом за плечами:

— Уходим.

— Что? — не сразу сообразил Цан Доушань.

— Промедлим — и нам крышка, — Вэйшэн рывком поднял его на ноги. Быстрым, отточенным движением он обмотал его запястье обрывком верёвки, затянув глухой узел, а второй конец точно так же привязал к собственной руке.

— Да что стряслось-то?! — растерянно воскликнул тот, но Вэйшэн уже бросился к узкому окну. Распахнув створку, он без лишних разговоров сгрёб спутника в охапку и бесцеремонно вышвырнул его головой вперёд прямо в бурлящий поток.

Цан Доушань с размаху ушёл под воду, мгновенно хлебнув горькой речной влаги. К счастью, река здесь катила свои волны ровно и спокойно, так что плыть было легко. Справившись с секундной паникой, он выровнял тело и, отчаянно загребая здоровой рукой, устремился к далёкому берегу.

Вынырнувший следом Вэйшэн покати́лся со смеху:

— Ну и зрелище! Плывёшь, как шелудивый пёс на трёх лапах! Ха-ха-ха!

Обида и злость захлестнули беглеца. Рискуя захлебнуться, он обернулся и, потрясая неповоротливой, замотанной в тряпки конечностью, яростно взревел в ответ:

— А по чьей вине, паршивец?!

Вэйшэн мельком оглянулся на удаляющееся судно и примирительно хмыкнул:

— Ладно-ладно, моя вина.

С этими словами он ушёл под воду и, подобно юркой рыбе, устремился вперёд. В мгновение ока он обогнал товарища и ушёл далеко в отрыв. Пытаясь не отстать, Цан Доушань выбивался из последних сил, налегая на воду единственной свободной рукой.

— Не шуми ты так! — прикрикнул на него Вэйшэн, обернувшись. — Барахтаешься, будто тонешь, нас же сейчас за...

Договорить он не успел. Ослепительный росчерк меча вспорол сумерки, устремившись прямо к его голове. Юноша мгновенно нырнул, и смертоносное лезвие света пронеслось в волоске от его макушки.

Натянувшаяся верёвка резко рванула запястье Цан Доушаня, увлекая его на глубину. Ледяные волны хлестали по лицу, испуганные рыбы выпрыгивали из воды, слепя брызгами. Сквозь плотную пелену водяной пыли он едва различал, как сияющие белизной клинки один за другим вонзаются в речную гладь, дробя багровые блики заката на мириады блёклых осколков.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем обессиленного Цан Доушаня наконец выволокли на илистый берег. Вэйшэн пощупал его пульс на шее и небрежно похлопал по мокрой щеке:

— Эй, очнись. Хватит притворяться трупом.

— Отвяжись... Глаз режет, — простонал тот. В веко попала какая-то соринка: ни проморгаться, ни потерять — боль была невыносимой, а из глаз градом катились слёзы.

Вэйшэн бесцеремонно оттянул ему веко, пригляделся и хмыкнул:

— А, всего лишь щепка от камыша.

Ловким движением он вытащил соринку. Боль тут же утихла. Цан Доушань облегчённо вздохнул, усиленно заморгал и постепенно начал различать очертания предметов.

Мокрые волосы его спасителя торчали дикими, спутанными вихрами.

— Сам-то цел? Не ранен? — Цан Доушань торопливо поднялся на ноги. Только сейчас он разглядел, что причёска товарища напоминает наспех обглоданный стог сена: пряди были разной длины, срезанные точными ударами вражеских мечей. — Твои волосы...

— Родителей у меня давно нет, оплакивать некому, так что пустяки, — безучастно отозвался Вэйшэн. Брезгливо потянув за край взмокшего халата, он опустил голову и замолчал, явно не желая продолжать разговор.

Помолчав и убедившись, что парень действительно отделался лишь испугом да парой царапин, Цан Доушань с облегчением вздохнул.

— Раз уж погоня отстала, может, двинемся дальше? — осторожно предложил он.

Но тот лишь придержал его за рукав:

— Дай посидеть малость. Устал я, как собака.

Пришлось остаться. Они сидели рядышком, безмолвно созерцая бескрайний водный простор. Заходящее солнце топило горизонт в жидком золоте, рассыпая по зыбкой глади ослепительные искры, от которых рябило в глазах.

Когда силы вернулись к Вэйшэну, они снова тронулись в путь. От места их вынужденного заплыва до Округа Шаньнань оставалось ещё несколько десятков ли. Проведя в пути добрую половину дня, беглецы всё же успели проскочить под опускающуюся решётку городских ворот. Увы, сумерки уже сгустились, и во всех окрестных постоялых дворах не оказалось ни единой свободной комнатки. Редкие прохожие советовали поискать ночлег на окраинах, но сил идти дальше у обоих попросту не осталось.

— Вещи до нитки промокли, — проворчал Цан Доушань, уныло встряхивая сырой дорожный узел.

— Денег у нас не густо, так что заночуем прямо на улице, — безмятежно отозвался его спутник. — А если брезгуешь ложиться на голую землю — милости прошу ко мне под бок. Хочешь, в объятиях согрею?

— Много чести. Проваливай, — фыркнул Цан Доушань.

Он принялся развешивать на ветвях деревьев мокрое тряпье, тщательно расправляя складки. Мельком взглянув на товарища, он добавил:

— Твои обноски тоже насквозь пропитались водой. Снимай, пока не задубел, пусть сохнут.

Вэйшэн устало повалился на траву у корней:

— И то верно. Сил моих больше нет...

Цан Доушань пощупал его рукав — ткань была ледяной и липкой.

— Живее сбрасывай! Твоё здоровье — не чета моему. Свалишься с лихорадкой, а у меня на лекарей ни единого медного гроша нет.

— Слышал я уже нечто подобное... — проворчал Вэйшэн, неохотно распутывая завязки и стягивая мокрый халат.

Принимая у него мокрую ткань, Цан Доушань невольно окинул взглядом его обнажённую грудь и плечи.

Серьёзных ран действительно не было, однако всё тело парня покрывали длинные, узкие порезы от пролетавших мимо световых лезвий. Размокшая в речной воде кожа по краям ссадин побелела, но сами по себе они оказались пустяковыми и почти не кровоточили.

— Пресвятые угодники, ну и холодина! — Вэйшэн зябко передёрнул плечами, покрывшись гусиной кожей, и принялся ожесточённо растирать предплечья.

Цан Доушань выудил из глубин уцелевшего мешка кусок чистой ткани и швырнул ему:

— На, оботрись.

Тот покрутил тряпку в руках и округлил глаза:

— Твою ж дивизию! Это же кухонная ветошь, которой ты плоски вытирал!

— Главное, что сухая. Не привередничай.

— Ладно, тут не поспоришь, — хмыкнул Вэйшэн и принялся усердно обтирать влажную кожу.

Тьма окончательно вступила в свои права, принесла с собой пронизывающий ночной холод.

Вэйшэн потянулся к ветке, снял уже слегка подсохший халат и набросил его на плечи товарища. Цан Доушань тут же стянул ткань обратно:

— Оставь себе, мне ни к чему.

— Ах да, запоматывал, ты же у нас великий практик.

— Тебе нужнее, — буркнул Цан Доушань.

Ему претил этот насмешливый тон. Даже когда Вэйшэн натянул халат, он всё равно казался слишком хрупким и беззащитным перед надвигающейся стужей. В округе Шаньнань осень заявляла о своих правах рано, и промозглые ночные порывы ветра легко прошивали тонкую холщовую ткань.

Помедлив секунду, Цан Доушань преодолел смущение и тихо проговорил:

— Послушай... обними меня. Что-то и меня знобить начинает.

Вэйшэн на мгновение опешил, но тут же расплылся в лукавой улыбке. Он уселся поудобнее, призывно похлопал себя по бедру и выдал:

— Ну же, иди к мамочке!

Цан Доушань вспыхнул от негодования:

— Я серьёзно, дубина! Ведёшь себя как уличный повеса!

Улыбка мигом слетела с лица Вэйшэна. Он выпрямил спину, приняв на удивление благообразный вид, и степенно развёл руки в стороны:

— Полно упрячиться. Иди сюда.

Спорить больше не хотелось. Цан Доушань, неловко переставляя затёкшие ноги, примостился рядом. Вэйшэн мягко притянул его к себе. На миг Цан Доушань весь напрягся, едва не перехватив чужие запястья заломленным блоком — боевые рефлексy сработали быстрее разума, — но вовремя заставил себя расслабиться. Постепенно живое человеческое тепло утихомирило его натянутые, как струны, нервы.

Тепло принесло долгожданное умиротворение.

В уюте и согреться было куда сподручнее для духовного делания. Здешние места дышали

куда более плотной и чистой энергией Ци, нежели убогая деревенька Байшуй. В невидимом глазу мире вокруг Цан Доушаня заструились потоки первозданной силы. Это бурление стихий тотчас отозвалось мягким жаром, который Вэйшэн ощутил физически.

Цан Доушань завожился, подыскивая наиболее удобную позу. Почувствовав это, Вэйшэн без лишних слов покрепче прижал его к своей груди, стараясь сохранить каждую крупницу целительного тепла.

«Какая благодать...» — мысленно причмокнул от удовольствия Вэйшэн. Парень в его объятиях напоминал жарко натопленную печку — такой же тёплый, да ещё и на удивление мягкий.

Мимо них стройным шагом прошествовал ночной дозор императорских гвардейцев Цзиньувэй. Замыкающий воин уже миновал их укрытие, как вдруг притормозил и с крайним недоумением воззрился на обнявшуюся парочку. До слуха Вэйшэна донёлся его завистливый шёпот:

— Ну и времена настали... У последнего бродяги баба есть, а я один кукую.

Вэйшэн едва сдержал так и рвавшийся наружу гомерический хохот. Однако не успел он издать и звука, как его бок пронзила острая боль — Цан Доушань безжалостно зажал пальцами складку кожи на его талии и провернул её на целый оборот. Подавив писк, шутник мгновенно зажмурился, прикинувшись спящим.

Остаток ночи пролетел незаметно.

На рассвете они оба подскочили как ужаленные, поспешно разорвали объятия и с деланно-невозмутимым видом принялись паковать подсохшие пожитки. Снова дорога. К полудню им посчастливилось нагнать крестьянскую телегу, запряжённую неспешным волом. Под мерный скрип колёс они к исходу дня добрались до волости Юнсин.

При виде раскинувшегося в долине поселения у Вэйшэна на миг перехватило дыхание — ему показалось, будто стёртая с лица земли деревня Байшуй восстала из пепла. Но, взглядевшись внимательнее, он понял, что ошибся: это место выглядело совсем иначе.

Оглядевшись и сверившись с какими-то только ему известными приметам, Цан Доушань уверенно повёл товарища в глубь извилистого ущелья.

Пронеслось целое тысячелетие, но вековые вершины высились к небесам всё так же незыблемо и грозно.

Привычной тропой добравшись до самого сердца лесной глуши, беглец остановился на краю отвесного обрыва. Ухватившись за толстые, окаменевшие от времени плети древнего плюща, он скользнул вниз, на скрытый от досужих глаз каменный уступ. Несколько мощными рывками он вырвал с корнем густую поросль сорняков, смёл вековую пыль и обнажил потайной

рычаг.

«Какое счастье, что здесь обычная механика, а не охранное заклятие высших сфер», — подумал он. Окажись тут духовная печать бывшего величия, с его нынешними жалкими крохами сил он провозился бы с ней добрый десяток лет.

Цан Доушань навалился всем весом на скрытую плиту. В глубине скалы натужно заскрежетали шестерни древнего механизма, со сводов посыпалась мелкая крошка, и тяжёлая каменная преграда нехотя поползла в сторону. В ту же секунду из открывшегося прохода пахнуло таким густым, изысканным цветочным благоуханием, что юноша невольно остолбенел.

Весь извилистый туннель за порогом был усыпан нежными, белоснежными бутонами роз. Их лепестки и даже сочные зелёные стебли в полумраке казались почти прозрачными, словно вырезанными из драгоценного нефрита.

«Что за наваждение?»

Он осторожно ступил под каменные своды и потянул к себе одну из плетей. Сомнений не оставалось: перед ним были легендарные розы сорта Хуасюнь. Их бутоны славились невероятной пышностью и ценились парфюмерами и алхимиками на вес золота за свой неповторимый, стойкий аромат.

Цветы эти отличались капризным нравом и требовали кропотливого ухода. Как они умудрились разрастись в этом всеми забытом ущелье? Сгорая от любопытства, Цан Доушань ускорил шаг.

— Эй, не беги так, подожди меня! — донёсся сзади запыхавшийся голос отставшего Вэйшэна.

Впереди лежал просторный подземный грот, некогда бывший открытым небесным провалом, а теперь погружённый в густой полумрак. Цан Доушань дунул на кончики пальцев, зажигая крохотный огонёк истинного пламени. Приложив ладонь к козырьку, он поднял взгляд. К его ногам со сводов спускались исполинские древесные корни, сплошь укутанные цветущими розами Хуасюнь. Это дивное зрелище напоминало застывший, благоухающий водопад из белоснежных лепестков.

Пробираясь сквозь колючие заросли приходилось с величайшей осторожностью. Юноша бережно раздвигал стебли, сантиметр за сантиметром осматривая скрытую под ними почву в поисках заветных трав, высаженных им много веков назад. Когда его взгляд наконец упал на сочные, налившиеся силой стебли созревшей весенницы, он издал долгий, облегчённый вздох.

Тайная обитель осталась нетронутой — никто не покусился на его сокровища. Что же до капризных роз, то они, по всей видимости, прижились здесь благодаря чистой случайности — шальной ветер занёс когда-то семена в расщелину скалы. В этом скрытом от палящего солнца месте, изобилующем влагой и богатой перегноем почвой, не водилось вредителей, так что для нежных бутонов здешний грот стал настоящим земным раем.

— Ого... Так вот они какие, твои чудодейственные корешки? — выдохнул подоспевший Вэйшэн, заворожённо оглядываясь по сторонам. Он потянулся к ближайшей ветке, сорвал крупный бутон и уже вознамерился отправить его в рот, но Цан Доушань вовремя перехватил его руку. Хоть розы и не имели для него великой ценности, подобного варварства он стерпеть не мог:

— Спятил?! Не смей, это не еда!

<http://bllate.org/book/18329/1768451>